

*Видимые вещи исчезают во мраке
и безмолвии — они растворяются
в более явном, чем явное: в общен-
ности.*

Жан Бодрийяр
Фатальные стратегии¹

1 Перевод А. Качалова.

ПРОЛОГ

За стеклянной стеной спала женщина. Ее грудь вздымалась и опадала, как пологие утренние волны. Нико прижался к ее спине и поцеловал спутанные волосы. Я никогда раньше не видела у него в постели блондинку. Нико решил забыть и жить дальше. У меня не получилось, я до сих пор не могу понять, как все могло настолько выйти из колеи.

С тех пор прошел ровно год.

Там, где никто никогда не пропадал, пропала целая семья.

Мне поручили вести расследование, и то, что я выяснила, хотя и не сразу, поколебало все мои убеждения. Я столкнулась не с заурядным происшествием, а с закономерной трагедией, бедствием, захватившим весь район, весь город, всю страну, со стихийным взрывом жестокости, с которой, как все считали, было давно покончено.

Но прежде чем рассказать вам эту историю, нужно вернуться на некоторое время назад. Так как невозможно понять ни одно из событий 17 ноября 2049 года, если не знать, что произошло двадцатью годами раньше, когда наши города, прежде непроходимые джунгли, превратились в зоопарки.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Действие происходило в Большом концертном зале Радио-Франс. Габриэль Бока, молодая женщина, преисполненная решительности и упорства, подошла к трибуне и торжественно сбросила мантию. Все присутствующие заплодировали. На ее выступление, которое транслировалось в прямом эфире по телевидению и в интернете, зрителей — в том числе и меня — отобрали по жребии. Это был исторический день. Двадцать шестого декабря 2029 года прошел суд над Правосудием.

— Дорогие друзья, я раскаялась первой. Сдала адвокатское удостоверение, сняла мантию, попросила прощения. Вам, поверившим в институт права, вам, которых слушали, но не слышали, я хочу еще раз сказать: правосудие вас предало. Устаревшее правосудие, которое вершат назначенные властью судейские чиновники, правосудие, признающее презумпцию не-

виновности и сроки давности, — это правосудие себя изжило. Неспособное защитить самых слабых, оно погрязло в компромиссах и занимается показухой. Сколько преступников оно оставило безнаказанными? Сколько безвинных жертв бросило на произвол судьбы? Проявляя терпимость к злодеям, мы приговорили пострадавших к пожизненному наказанию. Но сегодня эта эпоха подошла к концу.

В глубине зала играла музыка. Слышалось легкое дыхание гобоя, жалобно стонала скрипка. Я закрыла глаза. Кто-то все быстрее, все громче отбивал дробь на натянутой коже барабана. Кажется, следом зазвенели тарелки, дыхание у меня сбилось, заболела голова. Как только грянули литавры, я ушла в себя. Вспомнила прошедшие дни, полные ненависти, ночные расправы, женщин с крыльями эриний, горький вкус мести. Вспомнила, как все это время была словно парализована. Семь дней. Это продолжалось семь дней.

Все началось, когда известный инфлюенсер по имени Хулиан Гомес подал жалобу на своего дядю. Он рассказал миллиону своих подписчиков, как этот человек изнасиловал его, когда он был маленьким, и как это отразилось на его дальнейшей жизни. Несмотря на широкий резонанс, несколько интервью и шум в прессе, дело было закрыто без всяких последствий “за истечением срока давности”.

Хулиан Гомес провел опрос в своем сообществе. Должен ли он сам свершить правосудие? Среди опрошенных 87 % ответили “да”. Следующим утром он нацепил на лоб видеокамеру, отправился

в дом 6 по бульвару Араго в Париже, поднялся по лестнице на седьмой этаж, навстречу судьбе, постучал в дверь своего дяди и воткнул нож ему в горло. Потом направил камеру на себя и расплакался.

Когда его арестовали, то со всего мира стали приходить послания в его поддержку и требования его освободить. Поскольку правительство никак не реагировало, по всей Франции развернулись манифестации. Люди несли фотографии выпущенных на волю обвиняемых, портреты “мерзавцев”, так и не представших перед судом. Все больше людей рассказывали о том, что с ними приключилось: каждый спешил выразить свои претензии к судебной власти, ее нерасторопности, ее бездействию. Сайт министерства юстиции взломали и переименовали его в министерство беззакония.

Однажды ночью здание Парижского суда заняли около сотни женщин — членов ассоциации жертв семейного насилия, и министр внутренних дел приказал их выдворить. Они отказались подчиниться, стали отбиваться, и одну из них полицейский ударил дубинкой. Этот эпизод, показанный по телевидению, вызвал гнев протестующих. Сотни молодых людей в социальных сетях согласовывали и планировали свои действия. Они собирались все вместе и в одно и то же время повторить поступок Хулиана Гомеса.

Хештег *Revenge Week* — “Неделя мщения” — завирусился. Францию охватил мятежный дух. Жертвы

наказывали своих палачей. Молодой рабочий из Мюлуза выбросил из окна своего начальника, который несколько лет изводил его. Студент из Амьена столкнул под поезд своего соседа, бывшего военного, мучившего его собаку. Экологический активист отравил главу нефтяной империи, по чьей вине случились разливы нефти. Одного за другим убивали родителей, измывавшихся над детьми, священников-педофилов, полицейских, злоупотреблявших полномочиями, коррупционеров, избежавших заключения. Расправы снимали на камеру, распространяли в сети, и их лайкали сотни тысяч пользователей. В Безье один пожилой мужчина пришел в полицейский комиссариат и признался в том, что в давние годы, работая спортивным директором футбольного клуба, трогал мальчиков за разные места. Он знал, что бывшие ученики идут за ним по пятам, они запостили его фото и искали адрес. Он боялся за свою жизнь и настаивал на том, чтобы его посадили в тюрьму. Полицейские попросили его зайти позже, но не гарантировали, что найдут ему место в камере. Все, словно громом пораженные, впали в ступор, и никто, в том числе в моем подразделении, не решался даже пальцем шевельнуть.

Президент Республики, также получавший угрозы, укрылся в форте Брегансон, и страна осталась без власти.

После семидневного террора Хулиан Гомес вышел на свободу.

Габриэль Бока, его адвокат и медийная персона, основала движение “Гражданская открытость”, что-

бы помочь людям, попавшим в схожую ситуацию. При поддержке других покаявшихся представителей законодательной и исполнительной власти она предложила помиловать всех, кто совершил преступление во время *Revenge Week*, при условии, что насилие прекратится:

Для всех тех, кого правосудие не сумело защитить в прошлом, будет сделано процессуальное исключение. Совершившие единичный акт мести будут опрошены и занесены в базу, ибо в демократическом обществе месть недопустима и никогда не будет таковой, однако я настоятельно рекомендую их не наказывать. Необходимо проявить снисхождение к жертвам, совершившим преступление, поборникам справедливости, не представляющим никакой общественной опасности.

Меньше чем за сутки под ее петицией поставили подписи три миллиона французов. При таких результатах плебисцита “Гражданская открытость” решила пойти дальше. Габриэль Бока запустила проект “Генеральные штаты¹ онлайн”, чтобы граждане могли придумать новую модель государственного управления. За несколько месяцев движение снесло общественные институты и свело их до уровня административно-хозяйственных учреждений. Законы, как и все судебные решения, отныне должен был обсуждать и принимать сам народ в интернете. Ми-

1 Генеральные штаты — высший совещательный орган, созывавшийся французскими королями в критические моменты в XIV–XVIII вв. (Здесь и далее — прим. перев.)

нистерские документы (за исключением оборонного ведомства) предполагалось выкладывать в сети. От политического класса, обвиненного в коррупции, отказались вовсе.

Когда я открыла глаза, выступление уже заканчивалось. Вокруг меня сидели взрослые и дети с синими, белыми и красными полосками на щеках. Габриэль Бока пригласила подняться на сцену Виктора Жуане, молодого архитектора, активного участника движения. Он прокашлялся, откинул со лба длинную прядь и заговорил:

— Всего за несколько месяцев мы совершили революцию: сделали Францию реальной демократией, отдали власть народу. И все же, если мы хотим, чтобы открытость сохранилась надолго, она должна прежде всего применяться к нам самим. Насилие, издевательство над детьми и стариками, злоупотребления, агрессия — все виды жестокости по отношению к людям и животным имеют одну общую черту: они совершаются вдали от глаз, за глухими стенами, в квартирах и домах, в офисных лифтах. Закрытые пространства опасны. Стены представляют собой угрозу. Каждый из нас ради всеобщего блага должен ограничить свою частную жизнь — ведь речь идет о гражданском мире.

В тот день архитектор, заручившись согласием граждан, утвердил нормы нового урбанизма. Барон Осман в XIX веке перестроил Париж, чтобы сделать город более здоровым и безопасным. Грандиозные работы Виктора Жуане имели целью “моральное

оздоровление” и “оптимальную безопасность”. Современные постройки будут прозрачными. Культурные сооружения и памятники исторического наследия будут обновлены, насколько это возможно: каменные стены заменят стеклянными. Многоэтажки, школы, тюрьмы, больницы, магазины снесут и на их месте построят дома-виварии, где каждый житель будет гарантом безопасности и счастья своих соседей.

— И в самом деле, разве нам есть что скрывать? Если нам не в чем себя упрекнуть, почему не согласиться все показать?

Собравшиеся заплодировали и запели “Марсельезу”.